

Вдовий час

2026

18+

Крис Вейл

Вдовий час

<https://litres.ru/74622988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы стали настолько близки, что начали постепенно отдаляться, подобно двум магнитам с одинаковыми значениями.

Когда ты знаешь человека лучше, чем он сам, когда ты начинаешь полностью растворяться в нём, неумышленно перенимая поведение, манеру речи, жизненные позиции и чувства, когда ты становишься неосознанной копией близкого, именно тогда, когда близость с возвышенным любовником дарит чувство эйфории, именно в этот момент ты перестаешь чувствовать власть над своей сущностью, разумом и душой. После такого ты перестаешь быть собой, ты просто существуешь до того момента, пока ты не перестанешь быть интересной или как любят многие говорить: "Пока смерть не разлучит вас".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Крис Вейл

Вдовий час

Глава 1

Глава 1

Дом на краю

Они поженились в конце лета, когда дожди ещё не затопили дороги, но небо уже приобрело тот свинцовый оттенок, который в здешних краях предвещает долгую, тоскливую осень, а в последствии зиму. Брак был скоропалительным — всего три недели знакомства, три недели безумных прогулок по полям, три недели его, обещающего новую жизнь.

Они так быстро полюбили друг друга, успев привыкнуть к друг другу и не ощущать полноты жизни без присутствия второго. Еще месяца три назад Мари была уверена, хоть и без особого желания, что ей суждено выйти замуж за сына кузница и соседней деревни, он еще давно положил на неё глаз и ей оставалось смириться с этим. Будучи юной, она верила в рассуждения старого отца, любящего её всем сердцем. Он говорил, мол поживешь с ним, и сама полюбишь, главное уважай его и не перечь.

Так она и собиралась делать до встречи с Альбертом. Любить, не перечить и уважать. Пойдя как-то в один из теплых

дней на ярмарку, она столкнулась с не очень высоким, светловолосым и сероглазым мужчиной. При ярком солнце он походил на жертвенного агнца, весь светленький, с большими светящимися глазами, которые всегда имели тот отдохнувший и беззаботный блеск. Сама она была полной противоположностью, темноволосая, с темными, как смоль глазами, порой кажущимися черными, тонкие, но выразительные черты лица. Волосы густые, имеющие оттенок агата при ярко солнечном освещении. Кроме родного отца и матери никто не называл её красавицей, своё детство она провела, как и остальные дети, резвясь, играя, а вечерами слушала байки и шила вместе с матерью.

С момента первой встречи с Альбертом, они почти не разлучались несколько недель. Днем они гуляли в тайне от отца и чужих глаз, прячась на лесных тропах и лугах, ночью она тайком сбегала из дома, он ждал её возле недавно построенного колодца, и они ночи напролет болтали. Спустя три недели он сделал предложение Мари, от которого она не могла отказаться, даже зная, что обещана другому. На её пальце засияло кольцо с агатом, Альберт рассказал, что заказал его у кузница из соседней деревни, что очень смутило Мари. Она говорила ему обо всем, кроме того, что уже засватана. Но не смотря на сложное положение, с этим кольцом она впервые за долгое время ощутила внутри ясность и легкость, как будто все в миг стало понятно и даже не требовало объяснений перед теперь уже мужем.

— Я обо всем позаботился, *meinengel*, — сказал Альберт, — нас обручат завтра ночью, собери вещи, я заберу тебя, и после клятв перед Богом мы уедем и начнем новую жизнь.

Альберт Жорес, предложил Мари уехать из родной деревни, уехать жить в доме, который достался ему по наследству от дальнего родственника, которого он видел только однажды на именинах.

Дом стоял в деревне с названием Ротенфельс — месте, о котором Мари слышала только в детских страшилках, что рассказывали у костра. Говорили, что там земля никогда не просыхает, а старый тис на площади растёт на костях ведьмы, сожжённой сотни лет назад. Но Мари не верила в сказки. Она верила в Альберта, в его голос, в его обещание, что они начнут всё заново, подальше от гнилых нравов и пересудов родных.

Они ехали в старой дребезжащей повозке около двух дней. Дорога вилась через хвойные леса, где ветви сосен смыкались над головой, образуя тёмный, непроницаемый свод, сквозь который редко пробивалось солнце. Воздух был сырым, тяжёлым, пропитанным запахом прелой хвои и гниющих грибов. Чем дальше они углублялись в лес, тем тише становились звуки — птицы умолкли, ветер стих, даже лошади перестали фыркать, словно чувствовали что-то, что могло скрываться за деревьями. На второй день они выехали на холм, и Альберт указал кнутом вперёд.

— *Ротенфельс*, — сказал он, и в его голосе послышалось

странное торжество, которого Мاري не заметила тогда.

Деревня лежала в низине, стиснутая с трёх сторон густым лесом, и казалась не поселением, а раной на теле земли — тёмной, влажной, пульсирующей каким-то болезненным ритмом. Дома лепились друг к другу, словно испуганные звери, тёмные, с низкими крышами, покрытыми мхом, который свисал с черепицы, как седые, гниющие волосы. Ставни домов были выкрашены в красный, но этот цвет выцвел до отвратительного оттенка запёкшейся крови, и никто из местных не мог объяснить, почему именно такой цвет был выбран. Говорили, что красный отгоняет злых духов, но духи, казалось, жили в каждой щели, в каждой скрипе половиц, в каждом колодце, где вода была не водой, а ржавым соком глубин самой земли. Улицы были пустынные, хотя стоял полдень; только несколько старух в чёрных платках сидели у своих дверей и провожали повозку взглядами, в которых не было любопытства — только знание, только ожидание чего-то, что должно случиться.

В центре площади возвышался старый тис. Его ветви были так толсты, что под ними могли укрыться десяток человек, но никто не садился под тис, потому что старики шептались: под ним закопана ведьма, самая первая, та, что дала деревне имя. Её настоящее имя стёрлось из памяти, осталось лишь прозвище — Rot, Красная. Говорили, когда её волокли к костру, она оставляла на снегу алые следы, и снег не таял под ними, а впитывал их, становясь багряным навеки. С тех

пор холмы зовут Красными, хотя в их глине нет ни капли крови.

Но легенда жила, пульсировала в воздухе, как та самая нить, о которой никто не говорил вслух.

Дом дяди Альберта стоял на самой окраине, почти у кромки леса, отделённый от остальных построек широкой полосой грязи, которую никто не удосуживался вымостить камнем. Он был выше и мрачнее соседних, с остроконечной крышей, напоминающей костяной палец, указующий в серое небо. Стены, сложенные из тёмно-красного кирпича, покрылись трещинами, которые в сырую погоду казались вспоротыми венами, из которых сочилась влага. Окна были узкими, глубоко посаженными, и в них не отражалось небо — только глухая чернота, как будто внутри дома не было ни единого источника света, даже днём. Вокруг дома рос старый плющ, но его стебли были не зелёными, а бурыми, почти чёрными, и они не вились по стенам — они впивались в них, как паразитические корни, пуская отростки в трещины кирпича, словно пытались проникнуть внутрь и стать их частью.

Мари вошла внутрь первой, и запах ударил ей в лицо — сладковатый, приторный, смесь старого дерева, плесени и чего-то ещё, неуловимого, что висело в воздухе, как туман. Половицы скрипели под ногами, но звук был необычным — не резким, а каким-то приглушённым, словно под ними была пустота, зияющая бездна, готовая разверзнуться. Комнаты были довольно низкими, потолки давили на плечи, а углы

тонули в полумраке, который не могли рассеять даже самые яркие свечи. Альберт прошёлся по дому, открывая ставни, но свет не проникал внутрь — он словно упирался в стёкла и отступал, оставляя комнаты в том же сером сумраке. Воздух был тяжёлым, неподвижным, как в склепе, и казалось, что он никогда не обновлялся — что тот же воздух висел здесь десятилетиями, впитывая в себя голоса, стоны и шёпот тех, кто жил в этих стенах ранее.

— Уютно, правда? — спросил он, но голос его прозвучал неестественно бодро, и Мари заметила, что он избегает смотреть в углы. Он старался не подавать вид и не показывать отвращение и тревогу в новом доме, он ведь обещал же не новую, лучшую жизнь, и как она начинается ему уже не нравилось.

Она не ответила. Мари подошла к старому буфету, стоявшему в углу кухни, и провела пальцем по его поверхности. Палец остался чистым — пыли не было, словно кто-то регулярно протирает мебель, хотя дом простоял пустым несколько лет. Она хотела спросить об этом Альберта, но он уже ушёл в спальню, и оттуда донёсся его голос, тихий, почти шепчущий:

— Здесь так темно... но это пройдёт. Мы привыкнем.

Первая ночь была тихой. Лёжа в постели, Мари слышала, как ветер гуляет по трубам, но его завывания казались ей не просто шумом — в них можно было услышать слоги, слова, которые складывались в предложения на языке, которого

она не знала, но который пульсировал у неё в висках. Она повернулась к Альберту, чтобы сказать ему об этом, но он лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, и его губы беззвучно шевелились. Она окликнула его — он не ответил. Она коснулась его плеча — он вздрогнул, как от удара молнией, и повернул к ней голову. Его глаза были чёрными в темноте, и в них не было узнавания. Прошла секунда, и он моргнул, улыбнулся привычной улыбкой и сказал, что просто не может уснуть на новом месте.

Но Мари видела: его зрачки были расширены так сильно, что занимали почти всю радужку, и в них отражался не свет луны, а что-то другое — тёмное, текучее. Она решила, что это просто усталость — долгая дорога, волнение, переезд. Она сама чувствовала, как её тело ноет от напряжения, как гудит голова от непривычного запаха и сырости. Она приписала его странное поведение обычному недомоганию и, успокоив себя, повернулась на бок, пытаясь заснуть. Но сон не шёл. В стенах что-то скреблось — не мыши, нет, этот звук был слишком ритмичным, слишком осмысленным, как будто кто-то водил ногтём по дереву, вырисовывая невидимые знаки.

На второй день она обнаружила в подвале старый сундук. Он стоял в самом дальнем углу, присыпанный слоем земли и песка, будто его закопали и забыли. Мари с трудом открыла крышку — петли заржавели, и дерево противно заскрипело, как живое существо, издавшее предсмертный хрип. Внут-

ри лежали папки с бумагами, старые письма, перевязанные бечёвкой, и несколько тетрадей с пожелтевшими страницами, исписанными мелким, извилистым почерком. Она взяла одну тетрадь и прочитала несколько строк. Текст был на немецком, но старом, архаичном, с буквами, которые она едва разбирала. Одно слово повторялось часто: Rot. И ещё — Bindung, связь, узы. Она перелистнула страницу и увидела рисунок — грубый, набросанный углём: женская фигура с длинными распущенными волосами, стоящая между двумя зеркалами, и от её рук тянутся красные нити к нескольким мужским силуэтам, которые лежат у её ног, с закрытыми глазами. У каждого на запястье была нарисована нить, перерезанная ножницами.

Мари почувствовала, как холодок пробежал по спине, но она отогнала страх, решив, что это просто старые записи сумасшедшего старика. Она закрыла тетрадь и поднялась наверх, но ничего не сказала Альберту. Он стоял у окна и смотрел на лес, и его поза была неестественно прямой, как у манекена, который забыли отодвинуть от стекла. Она окликнула его, показывая находку, но он лишь отмахнулся, сказав, что его дядя был чудаком и коллекционировал всякий хлам. Однако Мари заметила, как его пальцы сжались в кулаки, а голос стал жёстче, когда он велел ей больше не лазить по подвалу. Она удивилась такой резкости, но подумала, что он просто устал и раздражён неустроенностью. Она предложила ему отдохнуть, прилечь, но он отказался, продолжая стоять

у окна, и его взгляд был устремлён в лес, где ветви деревьев сплетались в тёмные, непроницаемые арки.

На третью ночь Альберт проснулся с криком. Мари вскочила, зажгла свечу — он сидел на кровати, схватившись за голову, и его лицо было мокрым от пота, хотя в комнате было холодно, настолько, что пар шёл изо рта.

— Что с тобой? — спросила она, касаясь его лба. Он был горячим, как печная стенка, и она почувствовала, как под её пальцами пульсирует жилка на виске — слишком быстро, слишком неровно.

— Она шепчет, — прохрипел он. — Всё время шепчет. Я не могу понять, но она зовёт меня. Она говорит, что я должен прийти к ней.

— Кто? — спросила Мари, но он не ответил. Он смотрел на неё, и его глаза были мутными, с жёлтыми белками, как у больного желтухой. Она подумала о лихорадке — в этих краях часто болели из-за сырости, и она слышала от старожилов, что здесь свирепствует какая-то болотная горячка, от которой люди бредят и видят странные сны. Она решила, что Альберт просто заболел, что переезд и холод подорвали его здоровье, и завтра же она сходит за лекарствами.

Она уложила его, укрыла двумя одеялами, но он продолжал дрожать, и его зубы стучали так громко, что этот звук отдавался в стенах эхом. Она просидела рядом с ним до утра, и когда серый свет начал просачиваться сквозь щели в ставнях, она увидела, что на его запястье появилась тон-

кая неровная красная линия, похожая на нить, вплетённую в кожу. Она провела по ней пальцем, но нить была не поверхностной — она шла изнутри, как будто её вплели под кожу давным-давно, и теперь она стала видна. Она подумала, что это просто след от простыни, что кожа натёрлась, но линия была слишком ровной, слишком яркой, чтобы быть случайностью. Она решила не тревожить мужа и просто обработать запястье мазью, которую ей дала травница Грета на прощание.

Мазь не помогла. На следующий день линия стала толще, и теперь она пульсировала, как живая вена, в такт биению сердца. Альберт стал жаловаться на боль в груди, на тяжесть, которая давит на рёбра, словно кто-то невидимый сидит у него на груди и не даёт дышать. Он кашлял по утрам, и в мокроте была кровь — алые прожилки, которые сворачивались на ткани, как маленькие кровавые цветы.

Мари вызвала местного знахаря, но тот лишь покачал головой и сказал, что это "здешняя лихорадка", что многие приезжие болеют ею, что нужно пить отвары из коры ивы и ждать, пока пройдёт.

Но она не проходила. Альберт становился всё слабее, его тело теряло вес с пугающей быстротой — за неделю он похудел так, что ключицы выпирали, как острые камни, а кожа натянулась на лице, обрисовывая череп. Он почти не ел, отказывался от супов и хлеба, и только пил воду, но вода тоже была странной — она пахла металлом, и на её поверхности

иногда появлялись маслянистые разводы, которые исчезали, стоило ей посмотреть на них пристально. Мари продолжала верить, что это болезнь, что она пройдёт, что они справятся. Она не хотела замечать, как он шепчет по ночам — теперь его шёпот стал громче, отчётливее, и она различала слова. «Rot», «Bindung», «Seele». Она не хотела слышать, как стены отвечают ему — тихим, скребущим звуком, который повторял его слова, как эхо в подземелье.

Она не хотела смотреть на его запястье, где красная нить стала почти чёрной, как засохшая кровь, и пульсировала так сильно, что он сам иногда смотрел на неё с ужасом, как на змею, обвившую его руку. Она отводила взгляд, убеждая себя, что это просто игра света, что это натёртость, что это ничего не значит. Она любила его — она не могла признать, что теряет его не из-за болезни.

Глава 2

Глава 2

Шепот в стенах

Прошло две недели. Дождь не прекращался ни на один день, и деревня утопала в грязи, которая чавкала под ногами, как живое существо, пережёвывающее кости. Мари почти не выходила из дома, потому что каждый раз, когда она ступала на порог, ей казалось, что лес придвигается ближе, что его ветви тянутся к ней, как худые пальцы, желающие схватить её за одежду и утянуть в тёмную чащу. Она чувствовала на себе взгляды из окон соседних домов — не любопытные, не злые, а тяжёлые, как мокрая земля, которая засасывает ноги. Жители Ротенфельса избегали её, переходили на другую сторону улицы, когда она выходила за водой к колодцу, и шептались за её спиной. Она слышала обрывки фразы: «Из того дома». Но она не придавала этому значения, думая, что это просто деревенские суеверия, в которые она не верила с детства.

Альберт стал ещё более замкнутым. Он перестал выходить из спальни, проводил дни лёжа в постели или сидя в кресле у окна, уставившись в одну точку. Его глаза потускнели, потеряли цвет, стали серыми, как вода в колодце, и в них не было жизни — только какая-то глубокая, зияющая пустота, которая смотрела оттуда, из глубины его зрачков, на

Мари с немым укором. Он перестал узнавать её — иногда он смотрел на неё так, будто видел впервые, и его губы кривились в странной, незнакомой гримасе, которая не была ни улыбкой, ни гримасой боли.

Мари начала замечать, что он разговаривает сам с собой, но не на немецком, а на каком-то старом диалекте, в котором она улавливала лишь отдельные слова. Иногда он говорил о нити, о том, что она слишком изменилась, что она душит его, что он чувствует, как его собственная жизнь перетекает из него в неё — в Мари. Он указывал на неё пальцем, и в его взгляде было обвинение, смешанное с ужасом, но таким холодным, как будто он смотрел не на жену, а на призрак.

— Ты не знаешь, что делаешь, — шептал он по ночам, когда луна скрывалась за тучами и комната погружалась в непроглядную тьму. Его голос доносился из темноты, и каждый раз, когда он говорил, ей казалось, что воздух становится плотнее, тяжелее, как перед грозой. — Это не любовь. Я чувствую, как моя жизнь уходит, как вода уходит в песок. Скоро я стану пустым, и тогда она войдёт в меня. Она ждёт.

— Кто? — спрашивала Мари, и её голос дрожал, но ответа не было. Альберт замолкал, и в тишине слышалось только его дыхание — тяжёлое, хриплое, как у человека, который борется за каждый вдох.

Она продолжала верить, что это бред — лихорадочный бред, вызванный инфекцией, что он скоро поправится, что их жизнь наладится. Она поила его отварами из коры ивы,

которые ей дала знахарка, ставила компрессы на его горячий лоб, пыталась кормить его с ложки, когда он отказывался есть. Но его состояние только ухудшалось, все было бесполезно. Каждое утро она просыпалась и видела, что его лицо стало ещё бледнее, его глаза — глубже, а красная нить на запястье — ярче и толще. Она начала замечать, что в доме появился странный запах — не тот, что был при переезде, а новый, более резкий, напоминающий запах старого мокрого дерева и горелой свечи. Запах исходил из подвала, где стоял сундук, и он усиливался с каждым днём, проникая в комнаты, оседая на одежде, на волосах, на коже.

Как-то раз она снова спустилась в подвал, но теперь она открыла сундук не из любопытства, а от отчаяния, надеясь найти в этих бумагах ответ, объяснение, может даже лекарство. Она перерыла все тетради, все письма, все старые записи, и нашла одну страницу, которая была исписана дрожащим, нервным почерком — последняя запись дяди Альберта. Он писал о том, что некоторые обладают даром забирать жизненную силу через близость, через прикосновения, через сам факт своей любви. Он называл этот дар проклятием, которое просыпается в старых домах, где веками накапливались страдания и смерть. Он предупреждал, что если нить не перерезать вовремя, она погубит и того, кто связан, и ту, кто тянет её.

Мари прочитала это и почувствовала, как холодок пробежал по её спине, но она не поверила. Она думала, что дядя

был сумасшедшим, что его записи — бред больного старческого воображения, не имеющий отношения к реальности. Она закрыла тетрадь, задвинула сундук обратно в угол и поднялась наверх, твёрдо решив больше не думать об этом.

Но Альберт уже не мог не думать.

Однажды ночью она проснулась от того, что он стоял над её кроватью. Он был босиком, в одной рубашке, и его ноги были грязными, как будто он ходил по земле, хотя дверь была заперта. В руках он держал ножницы — старые портновские ножницы, которые она нашла в буфете и оставила на кухонном столе. Он сжимал их так сильно, что костяшки его пальцев побелели, и смотрел на неё. В его взгляде не было ни ярости, ни злобы — только ледяная решимость человека, который уже принял решение и не сомневается в нём.

— Я должен отрезать, — сказал он, и его голос был спокойным, ровным, как гладь пруда перед тем, как вода поглощает тонущего. — Она душит меня. Я не могу дышать, — на последней фразе его голос странно дрогнул и губы искривились в подобии страдальческой улыбки.

Он поднёс ножницы к своей груди, и Мари вскочила с кровати, выхватив их из его рук. Он не сопротивлялся, только улыбнулся — улыбкой, которая была кривой, чужой, не его, и в ней сквозило что-то древнее, насмешливое, торжествующее. Его глаза были пустыми, как окна заброшенного дома, и в них не было узнавания.

— Ты не понимаешь, — повторил он, и его голос стал по-

хож на голос кого-то другого — женский, с хрипотцой, как у старой курильщицы. — Это, оно здесь, внутри меня, и оно говорит со мной каждый миг, — его мысли путались, видимо он хотел сказать что-то еще, но не смог.

Он замолчал, отвернулся и лёг на кровать, закрыв глаза. Мари осталась стоять с ножницами в руках, чувствуя, как они холодят ладони, и вдруг она поняла, что за ним, в дверном проёме, никого нет. Но она отчётливо слышала шёпот — тот самый, что доносился из подвала, но теперь он звучал прямо у неё над ухом, как будто кто-то стоял за её спиной и дышал в затылок.

— Bindung, — шептал голос, мягкий, как шёлк, и одновременно грубый, как песок. — Du trägst sie schon. Du hast sie immer getragen. Du weißt es nur nicht.

Она обернулась, но за ней никого не было. Только тени — её собственная, дрожащая на стене, и ещё одна, длинная, женская, которая простиралась от угла и тянулась к ней, как рука, желающая коснуться её плеча.

Мари отступила, уронила ножницы и выбежала из спальни, не помня, как оказалась на кухне. Она стояла у стола, дрожа, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и смотрела на свои руки — на них не было нити. Но почему тогда она чувствовала, что её душит что-то невидимое, что стягивает грудь, как верёвка?

На следующее утро она пошла к Грете. Она больше не могла прятаться от правды, не могла убеждать себя, что это

просто болезнь. Она шла по грязным улицам, и дождь хлестал по её лицу, смешиваясь со слезами, которых она не замечала. Дом Греты стоял на окраине, почти у самого леса, заросший плющом, который душил стены, проникал в трещины оконных рам, словно пытался поглотить жилище. Грета встретила её на пороге, как будто ждала. Она была сгорбленной, с лицом, изрезанным морщинами, как старая путеводная карта, и глазами, в которых отражалась не мудрость, а усталость от слишком долгого созерцания того, что скрыто от глаз обычных людей.

— Ты из того дома, — сказала она, не спрашивая. — Я знала, что ты придёшь. Я видела твою тень ещё до того, как вы переехали.

— Мой муж болен, — ответила Мари, и голос её сорвался. — Он говорит о нити, о том, что я его душит. Он видит что-то в доме. Он называет её Красной. И я тоже слышу её. Она шепчет мне.

Грета покачала головой и жестом пригласила её войти. Внутри дома пахло сушёными травами, дымом и ещё чем-то горьким, как полынь. На столе лежали пучки трав, старая книга с потёртым переплётом и моток красной нити, который привлёк внимание Мари. Нить была такой же, как та, что появилась на запястье Альберта — такая же яркая, такая же пульсирующая.

— Этот дом старше, чем ты думаешь, — сказала Грета, садясь на табурет. — Он был построен на месте старого жерт-

венника. Там, в подвале, когда-то проводились обряды. Не злые, не добрые — просто древние. Жившие там, обладали даром забирать жизненную силу у любимых. Они не знали этого, но дом пробуждал в них голод. Их называли «красными вдовами». Они связывали жертв невидимыми нитями и тянули из них жизнь, пока те не становились пустыми оболочками. Твой муж не болен, Мари. Он умирает.

Мари отшатнулась, как от удара.

— Но я не хочу, это не я, это бред! — закричала она. — Я люблю его!

— Любовь здесь ни при чём, — жёстко ответила Грета. — Это древнее, инстинктивное. Дом подпитывает тебя, но плата — его жизнь. Ты видела нить на его руке? Она становится толще с каждым днём. Когда она оборвётся, он умрёт. И тогда ты останешься одна, с той пустотой внутри, которая будет требовать новой жертвы.

Мари опустилась на колени, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она вспомнила все те ночи, когда он шептал, все те дни, когда она не замечала, как его жизнь утекает в неё, как вода уходит в песок. Она вспомнила свою пустоту, которую она пыталась заполнить его любовью, и поняла, что это была не любовь — это был голод. Может когда ты и любила его, но предав себя красному, ты больше не способна на искренность в том числе и любовь.

— Что же мне делать? — прошептала она с детским отчаянием в голосе.

Грета подошла к ней, подняла её с колен и взяла её руки в свои. Её пальцы были сухими и горячими, как обожжённая кора.

— Ты должна разорвать нить, — сказала она. — Но не его — свою собственную. Ты должна научиться быть одной. Когда ты перестанешь искать в других свою целостность, твое проклятие потеряет над тобой власть. Иди домой. Возьми ножницы и перережь свою нить. Если ты успеешь, может твой “ненаглядный” и сможет выжить, — сказав, она громко закашляла и отвернулась от Мари, не желая продолжать разговор.

Мари выбежала из дома Греты, не помня, как очутилась на улице. Она бежала по грязи, спотыкаясь, поднимаясь, чувствуя, как дождь хлещет её по лицу, смешиваясь со слезами. Она вбежала в дом, в спальню, и замерла на пороге.

Альберт сидел на кровати, и его лицо было белым, как мел. Красная нить на его запястье пульсировала, как змея перед броском, и он смотрел на неё, и в его взгляде не было ни боли, ни страха — только странное спокойствие, как у человека, который уже не борется с неизбежным.

— Ты пришла, — сказал он, и голос его был слабым, как эхо в пустом колодце. — Она сказала, что ты придёшь. Она сказала, что ты принесёшь ножницы. Она хочет, чтобы ты разорвала эту проклятую нить.

— Я хочу спасти тебя, — прошептала Мари, сжимая ножницы.

— Слишком поздно, — ответил он, и на его губах появилась та самая чужая улыбка — широкая, кривая и пустая, не его. — Она уже во мне. Она была здесь всегда. Она ждала, когда я приду. И теперь она не уйдёт. Она говорит, что я должен быть с ней. Что я должен пойти в подвал и лечь рядом с теми, кто ждал меня всё это время. Но ты можешь спасти себя. Ты должна перерезать свою нить, пока она не затянулась до конца.

Он встал, пошатываясь, и подошёл к ней. Он взял её руки в свои, и она почувствовала, что его кожа холодная, как у мёртвого. Он посмотрел ей в глаза, и в его взгляде не было ни боли, ни страха — только безразличие, похожее на то, что наступает перед тем, как захлопывается крышка гроба.

— Разорви её, Мари, — сказал он. — Отпусти меня. Ты клялась мне, не мучай моё существование.

Она посмотрела на своё запястье — и увидела, что на нём тоже есть нить. Тонкая, почти незаметная, но она была там, пульсируя в такт его сердцу. Она не знала, когда она появилась, но теперь она видела её — и понимала, что это конец.

Она взяла ножницы и, не думая, не раздумывая, одним движением перерезала нить на своей руке.

Боль была не физической — она была душевной, такой острой, что Мари потеряла сознание. Она упала на пол, и последнее, что она услышала перед тем, как тьма сомкнулась над ней, был голос Альберта, который произнёс одно слово — не на немецком, не на французском, а на том древнем,

забытом языке, который говорил сам дом:

— Frei.

Она очнулась через несколько часов. В комнате было темно, только луна пробивалась сквозь щели в ставнях, заливая комнату серебряным светом. Она поднялась, чувствуя, что всё тело болит, как после долгой болезни. Она оглянулась — Альберт лежал на кровати, и его глаза были открыты, но они не смотрели ни на неё, ни на потолок. Они смотрели в никуда, в то место, откуда нет возврата.

Мари поняла, что он ушёл. И с ним ушла та часть её, которая верила, что любовь может наполнить пустоту.

Она встала, взяла ножницы и вышла из дома, оставляя за спиной древние стены, которые хранили слишком много тайн, чтобы их можно было раскрыть за одну жизнь. Она не знала, что будет дальше. Она знала только, что её нить перерезана — и она свободна.

Мари шла по мокрой дороге, и впервые её шаги не были тяжёлыми. Она была одна — но это одиночество не пугало её. Оно было её собственным, выстраданным, настоящим.

Теперь одиночество стало для неё не обузой, а привычным состоянием души и тела.

Глава 3

Глава 3

Земля

Альберта похоронили на третий день, когда дождь наконец прекратился и тусклое солнце пробилось сквозь тучи, но не принесло тепла — только странный, болезненный свет, который высветил каждую трещину на стенах домов, каждую рытвину на дороге, каждое лицо. Мари стояла у свежей могилы на краю кладбища, где старые надгробия покосились и поросли мхом, и смотрела, как гроб опускают в землю. Гроб был простым, сосновым, сколоченным наспех соседями, которые помогали ей последние дни, но делали это с той странной отстранённостью, которая чувствовалась в каждом жесте, в каждом слове, в каждом взгляде, который они бросали на неё, когда думали, что она не видит.

Она не плакала. Слезы не приходили — вместо них была только та пустота, которая поселилась в ней в ту ночь, когда она перерезала нить на своём запястье. Она стояла, чувствуя, как холодный ветер касается её лица, и смотрела на землю, которая теперь приняла его тело, и думала о том, что это не должно было случиться. Он был молод, силен, у него были планы, у них были планы — они хотели починить крышу, посадить сад за домом, может быть, завести детей, когда придёт время. Теперь ничего этого не будет. Вместо сада —

могила. Вместо детей — тишина в пустых комнатах. Вместо будущего — только настоящее, которое тянулось перед ней, как серая, бесконечная дорога без поворотов.

Она не знала, сколько времени простояла у могилы. Может быть, час. Может быть, до самого вечера. Она заметила, что все соседи разошлись, только когда солнце начало клониться к горизонту и тени стали длиннее. Она осталась одна среди старых крестов, среди земли, которая пахла сыростью и гнилью, и чувствовала, как внутри неё разрастается тоска — не острая, не болезненная, а тупая, тягучая, как та грязь, что прилипала к её башмакам.

Она вернулась в дом, и он встретил её тишиной. Тишиной, которая была громче любого крика. Она прошла по комнатам, касаясь вещей, которые ещё помнили его руки, и чувствовала, как пустота становится всё более осязаемой, всё более реальной, как будто она могла потрогать её, как ткань. Она села в кресло у окна, где он любил сидеть по вечерам, и посмотрела на лес. Деревья стояли неподвижно, чёрные, мокрые, и в их глубине ей почудилась тень — женская, с распущенными волосами, которая смотрела на неё. Мари не испугалась. Она уже знала, что это Красная, и что она всегда будет здесь, пока Мари остаётся в этом доме.

В последующие дни она почти не выходила из дома. Она перестала замечать время, перестала есть, перестала спать. Она сидела в кресле у окна и смотрела на лес, и иногда ей казалось, что между стволами мелькает лицо Альберта —

бледное, с пустыми глазами, но она знала, что это не он, а просто игра теней, просто усталость, просто безумие, которое начинало красться к ней, как тот туман, что поднимался от земли по ночам. Она слышала его голос в скрипе половиц, в шелесте дождя, в завывании ветра — он звал её, говорил с ней, и она отвечала ему, зная, что он не слышит.

Грета приходила несколько раз, приносила еду, которую Мари не трогала, и травы, которые она заваривала и оставляла остывать на столе. Старуха не произносила ни слова утешения — она только смотрела на Мари своими мутными глазами, в которых читалась не жалость, а знание. Она знала, что Мари угасает, но не физически — душой, которая уже начала отслаиваться от тела, как старая краска от стены. Грета знала, что это начало конца, и не могла остановить его, потому что такие вещи не останавливаются.

Прошла неделя. Дождь начался снова — мелкий, холодный, бесконечный, как сама осень. Мари вышла на крыльцо и вдохнула сырой воздух, и впервые за многие дни почувствовала, что может дышать полной грудью. Она пошла на кладбище, к могиле Альберта, и села на землю рядом с ней, не обращая внимания на грязь, которая впитывалась в её платье. Она говорила с ним — о том, как ей одиноко, о том, что она не знает, как жить дальше, о том, что она видит его в каждом углу, в каждом отражении, в каждом звуке. Она говорила и говорила, пока голос не сел и слова не иссякли.

И в тот момент, когда она замолчала, она услышала что-то

новое. Не голос Альберта, не шёпот Красной, не скрип половиц. Это был звук, который доносился откуда-то издалека, со стороны леса, и он был похож на глухой, монотонный гул, который нарастал, становился громче, ближе. Она подняла голову и посмотрела в сторону горизонта. Где-то там, за холмами, поднимался дым — чёрный, густой, не похожий на дым от костра или лесного пожара. Это был дым, который может быть только от одного: от горящих домов. От горящих деревень, от горящих тел.

Мари встала, чувствуя, как ноги подкашиваются, и пошла обратно к деревне. Она не побежала — она не могла бежать, потому что ноги были тяжёлыми, как будто каждый шаг увязал в грязи, которая становилась всё глубже, всё липче. Она шла, и звук становился всё громче — теперь она слышала не только гул, но и крики. Крики, которые разрывали тишину, как нож разрезает ткань. Она подошла к площади и увидела людей, которые бегали, хватали детей, прятали вещи, и их лица были искажены страхом, который она видела только раз в жизни — в глазах Альберта, когда он понял, что умирает.

Она спросила у пробегающей мимо женщины, что случилось, но та только покачала головой, не в силах говорить, и указала рукой в сторону леса. Мари посмотрела туда и увидела их — всадников на серых лошадях. Их было много, больше, чем она могла сосчитать, они двигались сплошной массой, и их лица были скрыты за грязными платками, а руки сжимали обнажённые мечи, которые сверкали в утреннем

свете, как зубы чудовища. Она не знала, чьи они — шведы, имперцы, французы, мародёры без флага. Они были просто людьми, которые пришли убивать и забирать. И они делали это с той же лёгкостью, с какой крестьяне косят траву.

Мари побежала в дом, соседние ворота уже были сломаны, и через них врывались всадники, которые не смотрели по сторонам — они знали, что здесь нет никого, кто мог бы дать отпор. Она забежала в дом, закрыла ставни, задвинула засов, но знала, что это не спасёт её. Она слышала, как за дверью кричат соседи, как смех и удары сливаются в один липкий, бессвязный шум. Она скатилась в подвал, в ту самую темноту, где стоял сундук с бумагами, и прижалась спиной к сырой стене, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

Она не знала, сколько времени прошло. Час. Два. Вечность. Сверху доносились звуки — шаги, голоса, звон разбитой посуды. Кто-то смеялся. Кто-то плакал. Потом шаги затихли, и воцарилась тишина — такая же страшная, как и шум, потому что тишина означала, что всё кончено.

Мари все еще сидела в той же позе, боясь пошевелиться, издать хоть малейший звук. Когда крики, гогот и рыдания утихли полностью, Мари выползла из подвала и поднялась наверх. Дом был разрушен, вещи разбросаны, стены исцарапаны, но она не обратила на это внимания. Она вышла на улицу — и остановилась.

Улицы были пусты, но не той пустотой, которая бывает ночью или в тихий час. Это была пустота смерти. Тела лежа-

ли везде — на дороге, у колодца, на порогах домов. Женщины, дети, старики — все были мертвы. Кто-то был зарублен, кто-то сожжён, кто-то просто лежал с открытыми глазами, глядя в серое небо, и не видел его. Мари шла среди этих тел, не чувствуя ничего. Она не плакала, она просто шла, пока не доковыляла до площади, где стоял старый тис.

Под тисом лежало тело Греты. Её глаза были открыты, и смотрели в небо, и на губах застыла та улыбка, которую Мари видела у неё только раз — когда та говорила о смерти как об освобождении. Грета лежала, на её шее была глубокая рана, из которой вытекла вся кровь, и теперь она была похожа на разлитое вино, тёмное и густое, которое уже начало сворачиваться, превращаясь в чёрную корку. Рядом с ней лежал крест, который она всегда носила на шее, и теперь он был сломан пополам, и его острые края были испачканы кровью. Мари опустилась на колени и коснулась руки Греты. Кожа была холодной, и под пальцами она чувствовала кости, которые выпирали, как у птицы. Она не знала, что сказать, потому что все слова были уже сказаны, и некому было их слушать. Она сидела так долго, пока небо не начало темнеть, и ветер не принёс запах дыма — теперь он был везде, он пропитал воздух, землю и её одежду. Она встала, чувствуя, как ноги дрожат.

Мари с ужасом оглядывалась по сторонам, ища хоть какое-то живое существо среди обгоревших и изуродованных тел. Ни одного движения, ни шелеста листьев, ни живого

звука, только поднимающийся ровно вверх дым от обгорелых досок. Все вокруг потеряло и без того блеклый цвет, все стало серым, черным и грязным. Движение словно замерло, в глазах девушки отражалась вся деревня жизнь в которой прекратилась за несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.